

Александр Амурчик

**АНТОЛОГИЯ
ИНТИМА.
Amoroso**

Цикл «Прутский Декамерон». Книга 1

Александр Амурчик

**Антология интима. Amogoso. Цикл
«Прутский Декамерон». Книга 1**

«Издательские решения»

Амурчик А.

Антология интима. Amoruso. Цикл «Прутский Декамерон».
Книга 1 / А. Амурчик — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836179-1

Кажется, что это незатейливые истории сексуальной самореализации юноши в псевдопуританском социалистическом обществе. Но вчитайтесь — и вы обнаружите, что это острые горькие книги о сочувствии ближнему и естественных радостях бытия. В стране, где высшим достоинством представляется сила, высшей добродетелью — деньги, а высшим духовным взлётом — половой акт, дети рождаются от случайного зачатия и, вырастая, продолжают унылый порочный круг. Автор нашёл в себе силы выйти за пределы этого круга.

ISBN 978-5-44-836179-1

© Амурчик А.
© Издательские решения

Содержание

Новелла первая. Исцеление любовью	6
Новелла вторая. Новый ресторан	18
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Антология интима. Amoruso
Цикл «Прутский Декамерон». Книга 1
Александр Амурчик

© Александр Амурчик, 2017

ISBN 978-5-4483-6179-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Новелла первая. Исцеление любовью

Коктейль «Глория»

Сок гранатовый 2 ст. ложки.

Сок виноградный 2 ст. ложки.

Мякоть дыни 100 гр.

Газированная вода 100 мл.

Лед, несколько кубиков.

Положить в стакан лед, мякоть дыни, влить соки, долить газводой.

Грусть подави и судьбу не гневи

глупой тоской пустяковой;

раны и шрамы от прежней любви — лучшая почва для новой

Игорь Губерман

Уже с самого утра голубое небо без единого облачка радовало своей чистотой, солнце заливало ярким светом улицы, дома, деревья, парки и площади, и это говорило о том, что празднование Дня города в этом году пройдет по полной программе, и ему не помешают ни ветер, ни дождь.

Я вышел из дому в полдень, когда стало особенно жарко, и был немало удивлен тем, что на улицах, несмотря на жару, можно было встретить целые толпы празднично одетого люда: повсюду слышался смех, разговоры, шутки; откуда-то из центра города доносились звуки живого оркестра; казалось, все без исключения жители нашего города – города белых лилий, как его стали недавно называть, – вышли отмечать любимый праздник.

Я неторопливо брел по аккуратно прибранным и торжественно принаряженным улицам, рассеянно взирал на девушек и молодых женщин, которые в этот знойный день обнажились настолько откровенно, насколько позволяли им их наряды, на их открытые солнцу и мужским взглядам прелести, которые еще совсем недавно не могли оставить меня равнодушным, но сегодня они не радовали и не волновали меня.

Я кивал и кланялся многочисленным знакомым, машинально пожимал протянутые для приветствия руки, почти не замечая лиц этих людей. Некоторые пытались заговорить со мной, но я, приветливо улыбаясь, напускал на себя озабоченный вид и, извинившись, продолжал свой путь.

А дело было в том, что в этот замечательный и радостный для большинства окружающих меня людей день я чувствовал себя прескверно, как, впрочем, и в любой другой день, вот уже на протяжении двух последних месяцев, с того самого дня, как моя спутница жизни, моя жена Марта, которую я обожал, любил и боготворил, изменила мне.

Я узнал об этом от одного своего знакомого в тот самый день, когда это случилось – в нашем небольшом провинциальном городке трудно что-либо утаить от окружающих. Если уж начистоту, то эту измену можно было предугадать, исходя из того, как моя милая женушка в последние месяцы демонстрировала явную симпатию этому самому докторишке... Но у меня и в мыслях не было, что она... с ним... женатым человеком... отцом двоих детей... К тому же они были еще и родственниками... Бросившись домой и застав там Марту, – в эти минуты, признаюсь, сознание мое было слегка затуманено и в порыве обиды и ревности я ничего не сообщал, – я добился от нее признания в измене с ножом в руке. Да, именно с ножом в руке, так как поначалу моя милая супруга пыталась все отрицать, лгать и изворачиваться. Но правду я прочел в ее глазах; они беспокойно бегали по сторонам, а еще в них мерцал страх нашкодив-

шей кошки. Марта что-то пыталась говорить в свое оправдание, но я, не слушая ее сбивчивых и путаных объяснений, в сильнейшем душевном волнении ушел из дому и в дальнейшем в течение многих часов слонялся, сам не помню где.

Вернувшись и застав ее дома, я все же по ее просьбе выслушал Марту, которая поняв по моему виду, что угроза ее жизни миновала, заявила, что я попросту отстал от современных реалий, что теперь иметь любовника – «это модно», и добавила, чуть ли не с гордостью, что, мол, каждая уважающая себя женщина должна периодически иметь отношения с другими мужчинами, и вообще, мол, ей было интересно изведать, каковы они, другие. Такое вот откровенное объяснение – измена для эксперимента, экивок в угоду моде. Видимо, моей супруге это – легко и просто, даже нормально, для меня же после этих слов стал рушиться мир.

С того дня, я, словно сумасшедший, практически постоянно разговариваю и спорю с тобой, Марта, хотя теперь тебя нет рядом со мной.

Я с тобой, мягко говоря, не согласился насчет того, что у каждой «уважающей себя» женщины должен быть любовник, такое, я считал, могло случиться с кем угодно, но только не со мной, не с нами, не в нашей семье. Ведь мы так любили друг друга, нам было столь замечательно вдвоем. В минуты близости я, задыхаясь от наплыва чувств, говорил тебе: «Ты не представляешь, любимая, как я счастлив, ведь у меня есть ты!» – «Э нет, любимый, – отвечала она, – это мне необыкновенно повезло, потому что у меня есть ты!»

Да, ты умела говорить красиво, и особенно на тему любви: на школьных литературных вечерах многие учителя, слушая стихи в твоём великолепном исполнении, не стесняясь, вытирали платочками слезы, и даже отъявленные хулиганы сконфуженно умолкали, когда в актовом зале разносился твой звонкий волнующий голос: «Самая страшная кража – это кража доверия...».

Кража доверия. Измена. Крах. С самого первого дня, когда мы только познакомились с тобой, а затем стали гулять и бывать вместе, встречные, зачастую посторонние люди, едва завидев нас, улыбались, а затем еще долго глядели вслед. «Какая красивая пара!» – говорили они, по-хорошему завидуя нашему счастью. И это были не просто слова – ты была, несомненно, прекрасна, и я, светясь от счастья, тоже, наверное, выглядел рядом с тобой вполне достойно. Помнится, как-то раз к нам на улице подошла какая-то сельская девчонка, которая подойдя вплотную и трепетно прикоснувшись ладонью к твоей щеке, сказала бесхитростно: «Какая вы красивая! Как артистка!»

Мои чувства к тебе за те три с половиной года, что мы с тобой прожили вместе, ни на йоту не остыли, я был по-прежнему влюблен в тебя, наш медовый месяц все не кончался, и мне казалось, что так будет всегда, и мы проживем вместе в любви, счастье и согласии все те годы, что нам отведены Богом и судьбой. Но твое безответственное отношение к нашим прекрасным отношениям перечеркнуло все: любовь, радость, счастье – и теперь у меня на сердце осталась лишь горечь, печаль, боль и... растерянность. Да, именно растерянность – как теперь с ощущением всего этого жить дальше? Ведь мое счастье в один ужасный момент исчезло, улетело, испарилось, словно облачко.

И вновь я продолжаю свой монолог.

Ты – первая и, скорее всего, единственная в моей жизни любовь. Ты же – и первая боль. Боль от поруганной и растерзанной любви. Что же мне осталось теперь? Страдания, терзания и стенания? Да, я знаю, что пронесу эту боль в своем сердце через всю свою жизнь. Знай же и ты, что для меня с твоей изменой разрушился мир, я перестал ощущать себя его частичкой, да я и не желал больше быть ею. Я стал терять зрение, буквально слепнуть, мне стало казаться, что я вот-вот сойду с ума, в моей густой шевелюре пробилась седая прядь – ото лба и до макушки, и это – в двадцать четыре года!

Предательство – вот точное название твоему поступку! Наивный, я прежде верил в то, что браки заключаются на небесах, но ты безжалостно низвергла меня с небес на землю.

В тот день, выслушав твои излияния, я собрал свои вещички и ушел из дому, ушел от любимой женщины. Бывшей любимой женщины, как хотелось мне думать – я решил навсегда вырвать тебя из своего сердца. И стал, чтобы больше не встречаться с тобой, жить там же, где работал – в ресторане. Я не мог ни есть, ни пить, похудел в первый же месяц на 27 килограммов, в свои 24 года я стал выглядеть, наверное, на все 30, а главное – женщины для меня перестали существовать: я, общительный по натуре человек, прежде замечающий всех окружающих меня симпатичных девушек, стал попросту их избегать, а при необходимости общения с ними старался закончить разговор как можно скорее и уйти.

Ты сказала мне на прощание, что теперь я наверняка сопьюсь с горя, но я не спился, нет. Произошло нечто гораздо более худшее – я утратил веру в людей, в любовь, мне было больно даже слышать о любви от других. Да, я разочаровался в любви, пройдя при этом последовательно все возможные стадии: отчуждение, охлаждение, отрезвление и, наконец, ненависть – не к тебе, нет, а к романтике любви, которая вначале возносит нас к вершинам восторга, а затем бесцеремонно низвергает с них, рана столь больно.

Я не сумел простить тебе измену, только очень сильный мужчина может простить настоящему – просто взять и вырвать этот факт из своей памяти и из жизни, – увы, я не был сильным!

И вновь я продолжаю свой немой монолог, обращенный к тебе, Марта!

Мы встретились, когда тебе было 18, а мне 20. Оба мы до этого уже имели кое-какой сексуальный опыт, но очень скоро ты призналась мне с восторгом: ты, Савва, и только ты сделал меня женщиной. Настоящей женщиной, в полном смысле этого слова – чувственной, любящей, восторженной, раскрепощенной...

И вот, спустя всего несколько лет – итог, финал наших отношений. По большому счету мне плевать на измену физическую, гораздо страшнее измена моральная, кража доверия...

Мой юный друг Кондрат, с которым мы познакомились и подружились несколько месяцев тому назад, когда я уже работал на новом месте, в строящемся ресторане, несмотря на свой совсем еще, как говорится, нежный возраст – 17 лет, каким-то непостижимым образом хорошо понимал, что со мной происходит. Он был, как теперь говорят, из ранних, и наш с ним опыт общения с женщинами, несмотря на приличную разницу в возрасте, примерно одинаков. Так вот, этот самый Кондрат изо всех сил старался мне помочь, периодически приводя с собой в ресторан молоденьких, глупеньких и легкодоступных девушек с целью познакомить меня с ними, но я всякий раз, едва завидев их, уходил, всегда находя для этого какую-либо причину и избегая, таким образом, каких-либо контактов с женским полом – мне эти дамочки были безразличны, почти противны, и я ничего не мог с собой поделать.

Теперь, спустя некоторое время, я, вновь оценивая все мною пережитое, твердо решил: если и будут еще когда-либо в моей жизни женщины, они не дождутся от меня признаний в любви, ну уж нет, я заставлю их страдать; и при этом всегда, при любых обстоятельствах, буду в отношениях с ними спокоен и холоден – до равнодушия, а в случае необходимости стану легко рвать с ними отношения и беспощадно бросать.

И вот теперь я направляюсь к себе на работу – в ресторан, для чего мне нужно пересечь наискосок налево часть городского парка, в который упирается центральная улица нашего города – Ленина, по которой я сейчас иду. Только напряженная работа без какого-либо ограничения рабочего времени и без выходных еще как-то поддерживает мои силы, не дает расклеиться окончательно, – ведь в том состоянии, в котором я сейчас нахожусь, или, вернее, в которое сам себя загнал душевными терзаниями и копаниями, недалеко до депрессии и до самоубийства.

Миновав городские кварталы, буквально залитые солнечным светом, я вошел в парк и, торопясь укрыться от яркого солнца под спасительной сенью деревьев, шагнул в широкую тенистую аллею.

Аллея эта, едва начавшись, через десятка два шагов упирается в огромную усаженную цветами клумбу, от которой лучами расходятся три другие, более узкие аллеи: по одной из них, если идти прямо, мы вскорости приходим к полуразрушенной заброшенной православной церкви, расположенной поблизости, по правую же руку, рядом с входом в парк имеется мемориальная стена с именами героев Великой Отечественной войны и чаша Вечного огня перед ней, ну а мой путь лежит налево, – это кратчайший путь к ресторану.

Бросив случайный взгляд направо, я заметил у мемориальной стены группу молодых людей с цветами в руках. Скользя взглядом по их юным, веселым и одновременно торжественным лицам – соответственно месту, где они находились, – я невольно вздохнул: с трудом верилось, что люди могут быть такими счастливыми и беззаботными – мне казалось, что я уж наверняка никогда больше не смогу быть таким же.

Одна из девушек в этой группе молодежи показалась мне знакомой, и я, приостановившись, поневоле задержал на ней взгляд. Это была высокая стройная брюнетка с красиво посаженной головкой и четким, почти классическим профилем, одетая в белую блузу и короткую, до колен, темную юбку. Но что могло меня в ней заинтересовать? То, что она была юна и красива? Да, пожалуй. Ну так и что? Нет, дело было вовсе не в ее красоте, а в том, что что-то неуловимо знакомое мне мелькнуло в ее облике. Однако, присмотревшись повнимательнее, я засомневался, что знаком с этой девушкой. Наверное, мы встречались с ней когда-либо прежде, возможно, она сестра или дочь кого-либо из моих друзей или знакомых. Просто, подумал я, она сейчас в том удивительном возрасте, когда девушки взрослеют неуловимо быстро и расцветают буквально за один год, превращаясь из неуклюжих голенастых подростков, которыми мы их когда-то знали, в очаровательных красоток.

Бросив на девушку еще один, как бы прощальный взгляд, я еще раз отметил про себя ее четкий профиль, живые глаза, тонко очерченное лицо, гордую осанку, осиную талию, длинные ноги, узкие лодыжки, стройные, не слишком развитые икры. Странно, подумал я, все в этой девушке – внешность и даже разворот плеч – было мне откуда-то неуловимо знакомо, и в тоже время сама девушка – нет.

Я уже хотел повернуться, чтобы продолжить свой путь, и в этот самый момент девушка, очевидно почувствовав мой, обращенный на нее взгляд, тоже поглядела в мою сторону. Пару мгновений она всматривалась, потом сделала несколько неуверенных шагов, затем сорвалась с места и побежала в мою сторону.

В растерянности я стал озираясь по сторонам – как знать, может, она бежит вовсе не ко мне, а к кому-либо еще, потому что, хоть убейте, я совершенно не был уверен, знаю ли ее вообще. Однако девушка подбежала ко мне и с криком: «Здравствуй, Савва, мой милый Савва!» бросилась мне на шею.

Признаться, я был шокирован, так как такого в моей жизни никогда прежде не случилось: никто из взрослых девиц, не считая, конечно, жены, вот так запросто не запрыгивал мне на руки. От неожиданности я чуть было не уронил девушку, из-за чего был вынужден обнять ее покрепче чуть пониже талии. Она же обвила руками мою голову и замерла так на несколько секунд, потом сползла с моих рук и, откинув слегка назад голову, поглядела на меня своими пронзительно синими глазами. В них, к моему удивлению, светилась радость от нашей встречи, и даже, кажется, нежность, и, еще до конца не осознав, кто она, я понял, что она-то уж наверняка меня помнила.

– Савва, неужели ты не узнаешь меня? – взволнованно спросила она, вероятно заметив растерянность на моем лице. – Ты что же, забыл свою Аленку, Лену, ну же, вспоминай, мы с тобой так дружили когда-то... И даже, мне кажется, любили друг друга.

– Ленка? Леночка! Аленка! – вскричал я, затем схватил ее в охапку и закружил на месте.

– Ленка! Девочка моя! Аленка! Прости меня. Ты ли это? Глазам своим не верю.

Моя растерянность прошла, уступив место радости от встречи со «старой» знакомой.

Бережно опустив девушку на асфальт, я восторженно разглядывал ее, одновременно вспоминая тот день, когда мы впервые познакомились. Тогда, а это было семь лет тому назад, она, двенадцатилетняя угловатая девочка-подросток, внешностью да и поведением больше похожая на мальчишку, направлялась вместе со своей мамой на отдых к Черному морю – у нас оказались путевки в один и тот же пансионат, до которого мы добирались небольшим служебным автобусом местного строительного треста.

С самых первых минут нашего знакомства ее мать, еще довольно красивая, но уже изрядно пополневшая женщина лет 37—38, с мольбой просила меня, чтобы я присматривал за ее дочерью, – сама она с этим явно не справлялась.

На остановках Лена – это настоящее имя девочки, всегда выскакивала из автобуса первой и мгновенно исчезала – уже через минуту ее можно было видеть общающейся с какой-нибудь лохматой, грязной уличной собакой, или же с серьезным видом наблюдавшей, как на земле, возле лужи, стайка воробьев дерется за хлебную корку. Водитель автобуса приходил, садился за руль и объявлял отправление, а Алена – так звала девочку мать – все не показывалась и ее приходилось звать персонально.

Вера Степановна, мама Алены, вконец измучившись от переживаний за дочь, с радостью поручила мне опеку над ней, одновременно дав любые полномочия, вплоть до физических наказаний. Чем я не замедлил воспользоваться: когда мне надоело, что все в автобусе, включая меня, должны были на каждой остановке эту негодную девчонку ждать, я нагнал Аленку, увлекшуюся погоней за какой-то разноцветной бабочкой и носившейся за ней вокруг палисадника, грубовато схватил за руку, а когда та, надув губы спросила: «А ты кто такой?» и стала вырываться, я ошутимо шлепнул ее ладонью по костлявой попе, пообещав, что это лишь начало и дальше будет еще хуже.

Все оставшееся время, пока мы добирались до курортного местечка в районе Одессы под названием «Каролина—Бугаз», девочка, надувшись, просидела возле матери, а та была этим чрезвычайно довольна и исполнилась ко мне чувством благодарности.

Позже, когда нам, проживавшим в соседних домиках и посещавшим одну и ту же столовую, волей-неволей по нескольку раз на день приходилось встречаться, я каждый раз испытывал перед девочкой неловкость за то, что ее шлепнул, она же, проходя мимо, гордо поднимала голову, делая вид, что в упор меня не замечает.

Однако через пару дней она все же снизошла до общения со мной и обратилась с просьбой. Заметив, что я неплохо ныряю, она попросила достать со дна раковину, которые, как она видела, местные ребята, ныряя, доставали.

Я, радуясь тому, что могу заслужить ее прощение, полдня провел на пирсе, непрерывно ныряя, и достал ей с десятков различных раковин, пока она, наконец, не была удовлетворена. Тогда девочка сменила гнев на милость и простила меня, при встречах она теперь кивала, а, будучи в это время вместе с матерью, даже здоровалась.

Так прошло несколько дней, пока в нашем лагере не появилась еще одна, старшая дочь Веры Степановны, Аленкина сестра. Ее звали Мила, она провела у моря вместе с матерью и сестрой всего два дня, после чего уехала в Москву – поступать в театральный институт; девушка мечтала выучиться на актрису.

Мила, надо признать, произвела на меня неизгладимое впечатление: моя сверстница – ей было всего семнадцать, – была удивительно хороша собой: высокая, стройная красивая брюнетка с гордым, и я бы даже сказал, надменным взглядом.

Что и говорить – с первых же минут, едва я ее увидел, так и влюбился без памяти, как, впрочем, и вся мужская половина нашего лагеря.

Надо отметить, что Аленкиных сверстников в лагере и ближайшем окружении почти не было, и малышка, нуждаясь в товарище по играм, стала привлекать к своим играм меня. Я не отказывался, но, играя и общаясь с ней, старался находиться поближе к тому месту, откуда

мог видеть ее старшую сестру – Милу. Но мне это почти не удавалось, потому что та то и дело куда-то исчезала, и за то короткое время, что она провела в нашем лагере, я смог понаблюдать за ней, наслаждаясь, всего несколько раз. Будучи впечатлительным по натуре и еще, если можно так выразиться, нецелованным юношей, я ужасно расстроился, когда Мила, так и не удостоив меня хотя бы одним взглядом за два прошедших дня, уехала; мать отправилась вместе с ней в Одессу провожать дочь на поезд, поручив мне опекать свою младшую – Аленку. Никакого сходства в чертах родных сестер, я, сколько не вглядывался в Аленку, не находил, – тогда она, честно говоря, больше напоминала мне гадкого утенка из известной сказки.

Мать девушек вернулась из Одессы только следующим утром; именно в тот день у нас и произошло чрезвычайное происшествие.

Мы с Аленкой находились на берегу моря. Загорая на солнышке, я задремал, и потому попросту проморгал момент, когда девочка, верная себе, исчезла из поля моего зрения и отправилась купаться. Одна. Я увидел ее, вернее услышал, лишь тогда, когда она, находясь в воде метрах в тридцати-сорока от берега, завершала от страха. При этом она неуклюже размахивала руками и беспомощно шлепала ими по воде.

Я сразу и не сообразил, что это кричит она, просто среагировал на крики и побежал к воде. Аленка барахталась на малой глубине, как потом выяснилось, что-то около полутора метров, впрочем, как известно, порой человеку для того, чтобы утонуть, достаточно и того, чтобы воды было по колено.

Когда я добрался до нее, девочка почти скрылась под водой. Поймав Аленку за волосы, я выудил ее на поверхность и, придерживая ее лицо над водой, поспешил к берегу, два-три раза проплывая глубокие места, так как дно здесь оказалось неровным. На берегу, не обращая внимания на тут же окруживших нас людей, я быстренько провел все известные мне приемы по правилам спасения утопающих, и вскоре Аленка задышала, забилась в кашле, а затем в рыданиях; рядом с ней, почти в судорожном состоянии находилась мать – Вера Степановна, которая только что прибежала к берегу, а до этого спокойно отдыхавшая в своем домике.

Когда спустя полчаса приехала «скорая помощь», Аленка уже расхаживала по берегу, радуя своим бравым видом маму, меня и окружающих, однако врач, опасаясь возможных последствий, командовала немедленно грузить девочку в машину, и я, конечно же, поехал вместе с ней; Вера Степановна, не имея сил сдвинуться с места, осталась сидеть на песке.

Более двух часов мы провели тогда с Аленкой в медпункте, затем столько же в местной больнице, врачи боялись, что у девочки может оказаться в легких вода и все делали всевозможные проверки и анализы. Слава Богу, в итоге все обошлось, и к ночи, когда обеспокоенная мать уже не надеялась увидеть свою дочь живой и здоровой, мы попутной машиной приехали на базу отдыха.

С того дня, и до самого нашего отъезда домой мы с Аленкой были вместе, практически не разлучаясь: в столовой, у моря, на спортивной площадке, и даже на рыбалке. И купаться, естественно, мы теперь ходили только вместе: я не оставлял Аленку у воды одну. За это время она привыкла ко мне, могла преспокойно забраться ко мне на руки, вскарабкаться на спину, короче, была мне словно младшей сестричкой. При этом, глядя на Аленку, я часто вспоминал ее старшую сестру Милу, которая, сверкнув, словно яркая звездочка, на моем небосклоне, исчезла навсегда.

В оставшиеся дни отдыха я обучал Аленку плаванию, часами держал ее на руках, терпеливо объясняя как вести себя на воде, и к окончанию нашего отпуска она уже довольно прилично плавала, так как от природы была сильной, выносливой, а главное упрямой девочкой.

Вместе вернувшись с отдыха, мы потом еще долгое время общались, встречаясь где-либо в городе, разговаривали, вспоминали, шутили, но Аленка по-прежнему казалась мне гадким утенком – в свои теперь уже четырнадцать она еще не сформировалась, да и лицом была не слишком привлекательна.

Тем не менее, она была мне дорога хотя бы уже тем, что я спас ей жизнь, поэтому мы с ней теперь были на всю жизнь, словно одной пуповиной, повязаны.

Из разговоров с Аленкой я узнал, что ее сестра Мила поступила, как и мечтала, в один из московских театральных вузов, а потом их отцу, отличному специалисту своего дела, предложили в столице работу и двухкомнатную квартиру. И семья не замедлила воспользоваться этим замечательным предложением. С тех пор как они уехали из нашего города, прошло, наверное, лет пять, и мы с Аленкой больше не виделись и не встречались.

И вот теперь, когда мы, наконец, свиделись, Аленка меня сразу узнала, а я ее – к своему стыду – нет. Что, кстати говоря, и не удивительно, если учесть, что передо мной теперь стояла статная и очень хорошенькая девушка, синие глаза ее смотрят на меня изучающе, хотя во взгляде присутствует и теплота, и нежность, и веселый задор.

– Аленка, – уже в который раз повторил я с восторженной интонацией в голосе, – милая моя девочка Аленка. Мама твоя, надеюсь, жива, здорова?

– Мама в порядке, она со мной приехала, остальные члены семьи остались в Москве, и тоже неплохо себя чувствуют, – с улыбкой отвечала она.

Тут Аленку, не дав мне задать очередной вопрос, окликнули друзья, она нетерпеливо махнула им рукой, сейчас, мол, иду, затем спросила меня:

– Савва, скажи мне, где ты живешь? Назови адрес. Знаешь, я хочу прийти к тебе, посмотреть, как ты живешь, с кем, надеюсь, это возможно? Ты теперь женат, наверное, и счастлив, растишь детей?

От ее слов мне в один миг захотелось развеяться, с огромным трудом я сдержался, улыбнулся – со стороны в этот момент я выглядел, наверное, жалким и растерянным, – и сказал:

– Если у тебя сегодня вечером найдется время, приходи вместе со своими друзьями, а хотя бы и с мамой ко мне на работу. Это недалеко отсюда, вон там, сразу за Дворцом культуры расположено новое двухэтажное здание ресторана, и хотя сам ресторан еще не функционирует, ты найдешь меня в баре на первом этаже – в любое время дня и ночи я там. Если дверь будет закрыта, просто постучи, я открою.

– Хорошо, договорились, – Аленка приблизилась, заглянула мне в глаза, мило улыбнулась, затем сжала обе моих руки в своих, после чего сразу же убежала и несколькими секундами позднее присоединилась к своим друзьям; дорогой она еще несколько раз оборачивалась и я видел на ее лице улыбку, адресованную мне, затем она исчезла в одной из боковых аллей парка. Проводив ее взглядом, я продолжил свой путь теперь уже бодрым шагом – на душе у меня было светло и радостно – всегда приятно встретить человека, с которым тебя связывают милые воспоминания детства и юности.

Придя на работу и окунувшись в обычную трудовую суету: раскладка товара, подготовка посуды, заготовка льда, – я периодически вспоминал о минутной встрече с Аленкой, и мое сердце при этом радостно трепетало.

Аленка пришла в бар тем же вечером: на этот раз передо мной предстала очаровательная девушка в легком шерстяном трикотажном костюме цвета бордо и в туфельках на высоком каблучке. Она была не одна: Аленка привела с собой друзей – двоих ребят и двух девушек. Усадив их за столик, я спросил, что они желают заказать, и, выслушав заказ: «сок, кофе и пирожные» – улыбнулся, вернулся за стойку, а вскоре принес на их столик требуемое, добавив от себя бутылку шампанского и ликер в рюмках.

Торговля в тот день шла весьма оживленная: толпы клиентов буквально осаждали бар, и я торопливо лепил коктейли, наливал рюмки, стопки, бокалы; касса быстро наполнялась шелестящими купюрами. Официантка бара Сонечка, беспрерывно кружа по бару и собирая грязную посуду на подносы, которую потом перемывала в подсобке, едва справлялась со своими обязанностями. Вечер, тем не менее, вышел приятный, нескучный, было много молодежи, которая танцевала и веселилась. Спустя какое-то время я отнес за столик, где сидела Аленка,

еще бутылку шампанского, умоляя ее и ее друзей чувствовать себя свободно, развлекаться и отдыхать по полной.

Аленка с милой улыбкой встречала и провожала меня, и я вдруг с удивлением подумал, что вот, есть же на свете девушка, которая радуется моему сердцу – правда, она пришла ко мне напрямиком из моей юности.

Лишь около полуночи мне удалось выпроводить из бара последнего клиента; компания Аленки к этому времени тоже стала собираться. Уговорив их еще на полчаса задержаться, я увлек Аленку танцевать, и нам, наконец, удалось поговорить. Я расспросил ее о маме, папе, осторожно – о сестре Миле. Аленка с улыбкой поведала мне, что сестре на втором курсе пришлось бросить театральный институт – она не прошла экзамен (!) на поцелуи, так как преподаватель этого предмета – пятидесятилетний лысый мужчина с гнилыми зубами и нечистым ртом, требовал от нее – и не только от нее, а и от всех остальных студенток курса – многоминутных поцелуев взапас, и девушка, не сумев перебороть свою брезгливость, сломалась.

Бросив занятия в институте и отказавшись от мечты стать актрисой, она вскоре встретила мужчину своей мечты, вышла замуж, родила сына и теперь работает в каком-то торговом предприятии.

– Ну, а как ты сама? – спросил я, мягко обнимая тонкую талию девушки. – Как ты себя чувствуешь в Москве, хорошо ли тебе? Не давит на психику это засилье огромных зданий из стекла и бетона, а также повсюду мечущаяся бесчисленная и вечно жужжащая человеческая толпа?

– Нет, – засмеялась она, доверчиво прижимаясь ко мне. – Я привыкла, мне там нравится, хотя и скучаю порой за родным городом, за одноклассниками, и еще... за Черным морем.

Не удержавшись, в приливе нежности я привлек ее к себе и крепко по-дружески обнял. Как обнял бы, возможно, ее и тогда, когда она была еще девочкой-подростком.

– Ты разве не боишься моря? – спросил я.

– Нет, особенно когда рядом есть такой как ты, мой могучий защитник, – улыбнулась она.

– Я хочу признаться тебе, Аленка, что когда мы с тобой познакомились, я был немного влюблен в твою сестру.

– Я помню это, – перебила она, взъерошив ладонью волосы на моей голове. – Тогда даже мама заметила это.

– Но теперь, скажу тебе откровенно: ты, Аленка, стала интереснее сестры и красивее ее.

– Просто я повзрослела, пришло, наконец, и мое время, – мягко улыбнувшись, сказала Аленка и тут же сменила тему: – Знаешь, Савва, я хочу пить, сделай какой-нибудь освежающий напиток, ладно? Только без алкоголя, хорошо? – погрозила она мне пальцем.

– Что ж, в таком случае давай сделаем его вместе, – сказал я, с сожалением убирая руку с ее талии. – Пойдем, поэкспериментируем.

Мы прошли за стойку, я выставил на нее ведро со льдом, бутылки с минеральной водой, придвинул сиропы, а также бутылку натурального лимонного сока. Аленка выбрала самый большой, в треть литра стакан, щипцами бросила в него несколько кусков льда, плеснула сиропу, затем долила минералки, следом я успел добавить немного лимонного сока, после чего все это перемешал.

Окунув в стакан две соломинки, мы одновременно попробовали получившийся напиток и вмиг опорожнили стакан – он оказался нежным и приятным на вкус, и одновременно тонизирующим. Со значением поглядывая друг на друга, мы одобрительно закивали головами. «Неплохо» – произнесла Аленка, «Очень даже хорошо» – поддержал ее я, после чего мы не сговариваясь стали изготавливать два новых полных стакана того же напитка.

Закончив, мы тут же выпили их до дна, а вскоре к стойке подтянулись друзья Аленки, попросили их сделать то же самое, и минут через пять, когда все сосредоточенно цедили из стаканов новый напиток, я, отозвав Аленку в сторону, сказал:

– Через неделю в Кишиневе будет проводиться республиканский конкурс коктейлей, мы, естественно, тоже в нем участвуем, так же, как и все другие бармены республики, подавшие заявку. Участвуем, конечно, заочно, поедет только старший технолог общепита, который повезет с собой документы и рецептуры, которые там на месте воспроизведут профессионалы, после чего их опробуют другие профи. Я собираюсь представить и этот безалкогольный напиток, пять алкогольных коктейлей мы с Сашкой, моим напарником, уже разработали, один же пусть будет безалкогольным. Я назову его «Аленка», если ты не возражаешь.

Аленка смотрела на меня во все глаза.

– А что, такое возможно?

– Конечно, возможно, – улыбнулся я. – Завтра я сделаю технологическую карту, затем технологи ее утвердят, подпишут, и напиток «Аленка» с твоим именем навсегда получит прописку в этом баре, а может и в других тоже.

Аленка восторженно взвизгнула и бросилась меня целовать, чем несколько удивила своих друзей-одноклассников. Заметив их реакцию, Аленка, нимало не стесняясь, сказала с озорной улыбкой:

– У нас, я должна вам сказать, ребята, с Саввой давняя, можно даже сказать, застарелая любовь, я уже вам как-то об этом как-то рассказывала, так что принимайте все как есть и не удивляйтесь. Он много лет тому назад безнадежно влюбился в мою сестру, а я – столь же безнадежно – в него.

– Минуточку-минуточку, а вот с этого места, пожалуйста, поподробнее, – шутливо сказал я. – Почему я узнаю об этом только сейчас?

– А чего ты хотел, – рассмеялась Аленка, вновь обнимая меня, – чтобы я, тогда двенадцатилетняя психуха, стала объясняться тебе в любви?

– Зато у тебя есть возможность сделать это теперь, – подмигнув мне, с улыбкой заметила Ирина, Аленкина подруга, фигуристая шатенка.

– Действительно, – весело поддержали остальные. – Давай, Аленка, раскальвайся.

Аленка повернулась ко мне, лицо ее в секунду сделалось серьезным.

– Я люблю тебя, Савва, и уже давно, целых семь долгих лет, большой и безнадежной любовью.

– Почему же, простите, безнадежной? – включился я в игру. – Знай же, я ловлю тебя на слове и с этой самой минуты я весь целиком принадлежу тебе: хочешь – люби, хочешь – топчи меня, от тебя я все готов стерпеть, как терпел когда-то.

Аленка шагнула ко мне вплотную, посмотрела в глаза – долго и серьезно, затем поцеловала. В губы. Сильно и требовательно. Этот поцелуй по всему моему телу отозвался сладостным, подзабытым уже томлением. Посмотрев на ребят и девчонок, которые напряженно наблюдали за нами, я решил превратить этот эпизод в шутку и сказал:

– Ну, кто еще желает в этот замечательный вечер поцеловать бармена, причем совершенно бесплатно? – Молчаливая пауза. – Ну, раз желающих нет, значит, нам пора отправляться по домам.

Несколькими минутами позже мы покинули бар, ребята ушли вперед, а Аленка ожидала меня у дверей ресторана, пока я его запираю.

Она взяла меня под руку, и мы неторопливо тронулись следом за ее друзьями-одноклассниками.

– Ты сейчас пойдешь домой, к своей жене? – спросила Аленка, и вновь какой-то спазм перехватил мне горло.

Я ответил глухо, с усилием:

– Нет, Аленка, я не... В общем, мы с ней недавно расстались и больше не живем вместе.

– Я почему-то почувствовала это, – нахмурившись, очень серьезно сказала она. И тут же спросила, легко коснувшись моих волос рукой: – А эта седая и такая симпатичная прядь у тебя от нее?

– Да, от нее, – ответил я. – Это копия той раны, которую она оставила в моем сердце.

– Твоя жена, она красивая? – спросила Аленка.

– Да, пожалуй, даже слишком красивая, – буркнул я. – Оттого, наверное, и беспутная. Но это не важно – я любил ее, очень сильно любил, и не только за красоту, но теперь все уже в прошлом.

– И ты ужасно страдаешь?

– Просто я знаю, что больше никогда и никого так не полюблю. Уже, наверное, не смогу. Прости, Аленка, мне тяжело об этом говорить. А тебе и вовсе знать и слышать об этом ни к чему.

– Ты знаешь, Савва, я, кажется, готова ее убить, – неожиданно для меня, голосом, наполненным неподдельной страстью, произнесла она. – Только за то, что она сделала тебе больно, заставила тебя страдать.

– Все красивые женщины больно ранят и заставляют мужчин страдать, – скривившись, произнес я.

– Я бы не смогла сделать тебе больно, Савва, – просто сказала она, сжимая своей ладонью мою руку. Затем, после минутной паузы спросила: – А где ты... теперь живешь?

– Я... я живу прямо здесь... в ресторане, – проговорил я, и мне отчего-то вдруг стало стыдно за эти слова.

– Так ты ночуешь в баре? – удивилась она.

– Да, – смущенно сказал я. – Там у меня для этого все условия: душ, матрас, постель, еда, да и напитки всякие под рукой, «Аленка», например.

– Ага, – усмехнулась она. – И напитки тоже.

Некоторое время мы шли молча. У выхода из парка нас дожидались Аленкины друзья.

– Ленка, – окликнул ее один из ребят, Игорь, – тебя домой проводить?

– Нет, спасибо, – ответила она. – Меня Савва проводит. Правда, Савва?

– Ну конечно, – ответил я.

Ребята стали прощаться и ушли, а мы все стояли и разговаривали.

– Послушай, давай вернемся к тебе, в бар, – мягко сказала Аленка, взяв меня под руку. И тут же спросила: – Это, надеюсь, возможно?

– Конечно, возможно, – произнес я бездумно.

– Ты знаешь, я нашла тебя через много лет, после того как потеряла, и теперь боюсь потерять вновь, – произнесла Аленка, старательно приноравливаясь к моему длинному размашистому шагу, но по-прежнему не выпуская моей ладони из своих рук. – Причем, вижу, встретила тебя не в самый лучший период твоей жизни.

– Это уж точно. И все равно это замечательно – наша встреча, потому что я очень рад тебе. Вне зависимости от всего остального. Ты – это часть моего прошлого, моей юности, ее милый и радостный миг.

– И ты – часть моей жизни и моего детства.

Я даже не заметил, как мы вновь очутились в баре.

Убавив регулятором мощность светильников до минимума, мы с Аленкой присели за столик рядом, рука об руку.

– Выпьешь чего-нибудь? – спросил я.

– Нет, ничего не хочется, – ответила она. – Мне и так хорошо. Потому что ты и я – вновь вместе. И от этого мне просто хорошо.

– А спать ты разве еще не хочешь? – спросил я, беря и прижимая ее ладонь к своим губам. – Ведь уже час ночи.

– Но ведь ты не выгонишь меня? – спросила она. – Ты не прогонишь свою маленькую, непослушную Аленку? Не отшлепаешь меня как когда-то?

– Нет, не выгоню и не отшлепаю, – ответил я. – Хотя, наверное, так было бы правильнее.

Аленка встала, наклонилась ко мне и, обхватив мое лицо ладонями, вплотную приблизилась к моему лицу.

– Обними меня, Савва, – прошептала она, прижимаясь ко мне всем телом.

Я повиновался, осторожно обняв ее.

– Ну же, не так, обними, как мужчина обнимает женщину.

– Я не... Аленка... Ну, я не знаю...

– Глупенький, я еще тогда, в двенадцать лет мечтала о том, что ты когда-нибудь сожмешь меня в своих объятиях. По-настоящему. До боли в теле. Вот этими своими крепкими руками.

Я жалко улыбнулся и совсем опустил руки.

– Савва, я же вижу, как ты сильно страдаешь. Это же... Это неумно, наконец. Ты себя попросту сжигаешь.

– Да, возможно. Но я ничего не могу с собой поделать.

– Поцелуй меня, слышишь. – Аленка вновь прильнула ко мне всем телом. – Я часто думала, вплоть до сегодняшнего дня, что тогда, когда я была еще девчонкой, эта моя тяга к тебе была несерьезной, неосознанной, но сейчас, когда увидела тебя вновь, я уже так не думаю...

Я смутно помню, как мы разложили матрас, покрыли его простыней, затем Аленка взбила подушку и сказала просто, как-то совсем по-домашнему:

– Одна подушка у нас будет на двоих, но она большая и мягкая, так что ее будет достаточно.

Мы разделись и легли нагие поверх простыни. И тогда я сказал Аленке:

– Ты такая красивая. Тысячи парней и мужчин мечтают, наверное, хотя бы пальцем, словно невзначай, прикоснуться к тебе, а я лежу здесь рядом и боюсь... боюсь, что ничего не смогу, – голос мой стал глуше, – не смогу любить тебя. Прости. Прости меня, моя милая Аленка.

– Боже, что с тобой сделала эта ужасная бессердечная женщина, до чего довела? – прошептала Аленка, ласково обнимая меня. – Отвлекись от всего. Ты любил, а теперь ты ужасно страдаешь, и все же, уверена, сможешь когда-нибудь полюбить вновь. Не меня, нет. Какую-нибудь другую женщину, потом, не сейчас, через время. Для этого нужно, чтобы прошло время.

Я слушал ее и удивлялся. Откуда она, девчонка, может что-либо об этом знать? Или она интуитивно чувствует это своим женским сердцем? Но откуда у столь юной пигалицы трезвый ум и такое глубокое житейское понимание вещей.

Руки Аленки гладили мое тело, скользили по нему уверенно, словно она ласкала меня не впервые.

Я почти не помню, как это произошло. Какой-то миг – одновременно возвышенный и низменно-безумный, и мы с ней слились в одном сладостном порыве. Как сейчас помню: ее лицо внизу – словно в муке, губа закушена; потом вверху, надо мной, затем вновь внизу, лицо Аленки искажено, словно она вот-вот собирается заплакать.

– Ты – удивительный, я всегда знала об этом, – шептала она в те короткие минуты, когда мы разжимали наши объятия. – И я счастлива, что нашла, что встретила тебя. Ты был словно замороженный, но я сниму с тебя это проклятие, слышишь?! И ты это сразу почувствуешь, милый. Однажды ты спас меня, и я буду рада ответить тебе тем же – я спасу тебя. Ты имеешь право жить и любить, и я прошу тебя лишь об одном, Савва, – забудь о ней.

– Я забуду, – шептал я, жадно целуя ее горячие податливые губы. – Я за... буду, буду, – повторял я, пьянея от этих поцелуев, затем целовал ее прекрасное тело, отчего-то пахнущее

шафраном, и от этого пьянел еще больше. В одно из мгновений она наклонилась надо мной, лежащим навзничь, и с хитрой улыбкой играючи наступила мне коленом на грудь.

– Ты мой поверженный герой, – прошептала она. – Но ты восстанешь, слышишь, ты вновь будешь гордым и сильным.

Приподняв голову, я поцеловал ее прекрасное округлое колено. И тотчас вдруг вспомнилось: когда-то, еще шестилетним мальчиком, когда я ходил в круглосуточный детский сад, я слушал рассказанную нам воспитательницей на ночь сказку о богатыре и Синеглазке, которая, победив его в единоборстве, тоже наступила коленом ему на грудь и занесла над его головой свой меч. Но, затем, кажется, бросила меч и поцеловала богатыря. Тогда этот эпизод, несмотря на мой весьма нежный возраст, помнится, очень сильно меня взволновал и из-за этого я полночи не спал.

Такая вот сказка, в эту минуту очень ярко мне вспомнившаяся.

Время бежало незаметно, и вскорости за окном забрезжил рассвет. Тело мое было легким до невесомости, зато голова бодрой и ясной. Я лежал в постели, нашей с Аленкой общей постели, полностью опустошенный. Моя спасительница спала. Много лет тому назад, когда мы с ней проводили наш отпуск у моря, я не раз наблюдал как Аленка, тогда еще совсем девчонка, спит.

Только теперь со мной рядом была совершенно другая Аленка – прекрасная молодая девушка-женщина, моя милая женщина, неистово любившая меня всю эту долгую волшебную, чудодейственную ночь. А до этого – возможно ли такое вообще? – смутной девчачьей любовью семь долгих лет.

Конечно, сейчас она ничего общего с той 12-летней девочкой из моей юности не имела. Только спала, пожалуй, так же сладко, то хмурясь, то порой улыбаясь чему-то во сне.

Всего три ночи были нам подарены судьбой. Три ночи, наполненные необычайной нежностью и всепоглощающей страстью. Затем Аленка уехала.

После ее отъезда я какое-то время тосковал, мучился, не находя себе места, затем встряхнулся, ожил, и вдруг понял, что жизнь моя не закончилась, что тоска, еще недавно сковывавшая мое сердце будто льдом, отпустила, и что, возможно, я еще смогу когда-нибудь любить и быть любимым.

1980 г.

Новелла вторая. Новый ресторан

Коктейль «Фокстрот»

Светлый ром 40 мл

Ликер любой 10 мл

Лимонный сок 20 мл

Все компоненты вместе с кубиками льда встряхните в шейкере, и нацедите в стакан.

Секретари и председатели

директора и заместители

их как ни шли к ебене матери, они и там руководители

Игорь Губерман

Открытие в нашем прекрасном южно-молдавском городе, городе-курорте всесоюзного значения по статусу, нового ресторана обещало стать грандиозным событием, настоящим праздником, как для городских руководителей всех профилей и рангов, так и для простых его граждан.

На это долгожданное мероприятие, – а новый ресторан строился почти десять лет, – местное начальство – райком партии и горисполком – планировало пригласить чуть ли не всех республиканских министров и руководителей ЦК, при этом, не мудрствуя лукаво, обещало приурочить празднество ни много, ни мало, как к открытию летних олимпийских игр в Москве. Однако их разгоряченные головы вовремя остудил звонок сверху – из ЦК компартии Молдавии. Мудрые коммунистические руководители республики в лице завотделом ЦК по идеологии праздновать открытие разрешили, а также благосклонно приняли приглашение, пообещав приехать на это торжество, но вот связывать как-либо открытие ресторана с олимпийскими играми запретили.

А вся эта история с новым рестораном началась гораздо ранее, когда выяснилось, что старый ресторан, построенный еще в девятнадцатом веке при румынских властях, и просуществовавший в этой ипостаси более ста лет, все это время оставаясь единственным в городе, к середине 70-х уже совсем обветшал, а какой же город, согласитесь, да еще город-курорт имеет моральное право называться таковым, если в нем нет хорошего ресторана? Нет, местные власти побеспокоились, конечно, о поддержании реноме города и вот уже почти с добрый десяток лет на смену старому строился новый современный двухэтажный ресторан. Только вот задача – «умные» городские архитекторы отвели ему место точно посередине между зданиями ДОСААФ, Дворцом культуры, детским садом и спортивным комплексом, – более неудачного места для ресторана, согласитесь, нельзя себе и представить. Хотя чего уж там, нынешний городской дом пионеров, например, и вовсе располагается в бывшем, правда, существовавшем до 40-х годов, публичном доме, что неизменно вызывает смех старожилов нашего города, а теперь стало предметом шуток и анекдотов для их детей и внуков.

Итак, из-за не слишком удачного расположения ресторана, что многократно обсуждалось на всевозможных городских и республиканских совещаниях на всех уровнях, работы на строящемся объекте велись ни шатко, ни валко, власти даже всерьез подумывали о перепрофилировании здания, когда в 1977 году в румынских Карпатах грянуло землетрясение, сильно потрясшее всех и вся в самой Румынии, а также в соседней с ней Молдавии. При этом весьма ощутимо пострадал наш город Кагул, расположенный всего в нескольких километрах от границы с Румынией. Многие здания в результате этого землетрясения были признаны аварий-

ными, по большей части старой постройки, и среди прочих здание старого ресторана, по стенам и потолку которого пошли широкие опасные трещины. И тогда было принято решение – новому ресторану быть!

Каким-то чудом дознавшись, что в новом ресторане вместо кондитерского магазина в качестве эксперимента решено было устроить коктейль-бар – дело в нашем городе совершенно новое и незнакомое – я, взлелеяв почти утопическую мечту устроиться работать на новом месте барменом, наудачу отправился в общепит: до чертиков надоело работать по специальности, а именно – мастером на стройке. И моя мечта сбылась: меня приняли на работу, правда, пока лишь в старый ресторан и с испытательным сроком, но с перспективой последующего перевода в новый.

Итак, теперь я с раннего утра приходил в строящийся ресторан, так как меня назначили ответственным за все материальные ценности, там находившиеся – то есть теперь я считался на объекте кем-то вроде сторожа; и, кроме того, уже по собственной инициативе, я наблюдал за ведущимися на объекте работами, – как строителю, мне все происходившее там было небезынтересно. К слову сказать, в ресторане в этот период оставалось устранить лишь ряд недоделок и закончить малярные работы, а основные были практически закончены.

Вечерами, обычно к 19 часам, когда строители покидали объект, я отправлялся из строящегося в старый, действующий ресторан, расположенный отсюда в паре минут ходьбы, где до 24 часов, то есть до полуночи, работал в качестве мальчишка на побегушках, эдакого фигаро, заменяя того, кто требовался им на текущий момент: то швейцара, то мясоруба, иногда гардеробщика, а то и кухонного рабочего, то есть я принимал и выдавал пальто и куртки, рубил мясо, перемещал с места на место тяжелые мешки и ящики, или же помогал буфетчице получать со склада различные товары.

По штатному расписанию я числился в старом ресторане администратором, но работу эту, естественно, знал весьма поверхностно. Подчиненные мне официантки – в подавляющем большинстве прожженные дамочки от 40 до 50, – воспользовавшись этим обстоятельством, быстро нашли мне применение: любая проблема, возникавшая в зале, в гардеробной или же на кухне, – и меня бросали в «прорыв».

Ко всему прочему я, единственный в ресторане молодой мужчина (вторым и последним был дядя Володя, человек 60 с лишним лет, наш швейцар), должен был улаживать периодически возникавшие конфликты официанток с клиентами, то есть успокаивать пьяных и агрессивных, а также не упускать и стыдить тех, кто не желал платить по счетам. Проработав в таком режиме пару недель, я смекнул, что при договорах об оплате всевозможных банкетов и свадебных торжеств моим официанткам администратор почему-то не требовался, они, очевидно, и сами неплохо умели деньги считать и между собой распределять.

Постепенно постигая все эти премудрости, я понял, что мне необходимо повысить образовательный уровень и, засевав за специальные книжки, в течение нескольких недель проштудировал многие из них, а вскорости, по моему предложению и последовавшему за ним прямому указанию директора общепита, была проведена аттестация всех работников ресторана, во время которой я был самым требовательным экзаменатором.

Ах, что тогда началось! Великовозрастные официантки, многоопытные работницы – ветераны общепита, а ведь среди прочих у нас имелась и призер Всесоюзного конкурса официантов (!) (в 60-ые годы) Вера Николаевна, прежде едва замечавшие меня, бледнели и краснели, когда я без улыбки на лице, со всей строгостью требовал от них исполнить то сервировку стола юбиляра, то обслуживание в обнос, то детские именины – их высокие разряды требовали знания и умения всех этих видов обслуживания.

Уже на следующий день после аттестации мои коллеги, а некоторым из них были понижены разряды и, соответственно, зарплаты, стали относиться ко мне всерьез, и называть только по имени-отчеству, и вскоре я был допущен в сферу расчетов с клиентами, где особенно меня

интересовали свадьбы, банкеты и другие торжественные мероприятия, на которых я теперь стал обязательно присутствовать в качестве администратора и одновременно официанта, – семью-то надо было кормить, а зарплата администратора, а это сто пять рублей в месяц, меня не вполне удовлетворяла.

Так прошло несколько месяцев, а вскоре из отдела кадров мне сообщили, что на работу в бар ко мне напарником принят новый человек.

Мы познакомились: моего будущего напарника звали Саша, фамилия Чумаков. Это был высокий – за 190 см, парень с умными насмешливыми глазами и косым прибором русых волос. Он был лишь двумя годами старше меня, недавно отпраздновал 26-летие, но его житейский опыт, как вскоре выяснилось, на целый порядок превосходил мой.

У Саши были большие грубые ладони рабочего человека с длинными, слегка подрагивающими пальцами. Подшучивая над собой, он говорил, что дрожь эта оттого, что его пальцы машинально отбивают ритм, потому что он, мол, профессиональный музыкант, контрабасист и барабанщик.

С приходом Саши мы решили начать собственно обустройство бара, так как оказалось, что он был единственным человеком в нашем городе, кто знал в этом толк.

Наш непосредственный руководитель, директор строящегося ресторана – Александра Семеновна, бодрая и энергичная женщина возрастом 50 с небольшим, руководила ресторанными делами; мне, по молодости лет, было поручено самое беспокойное занятие – поставки оборудования и инвентаря, и в течение последующих нескольких недель я завез из Кишинева все необходимое для функционирования ресторана – от специальной мебели и ковров молдавского национального колорита, до последнего гвоздика для дверной ручки, от жарочных шкафов с мармитами и варочных котлов, до бокалов, стаканов, вилок, ножей и ложек.

Саша, мой напарник, оказавшийся человеком весьма незаурядным, а также мастером на все руки, тоже без дела не сидел и в течение нескольких последующих месяцев превратил – с моей помощью, конечно – ободранное непрезентабельное помещение, предназначенное для кондитерского магазина, в весьма элегантный современный бар, создав его практически из ничего – то есть, из подручных материалов.

Саша, в отличие от меня, человека, несведущего в барменском деле, прежде уже работал в баре, причем, не где-нибудь, а в Ялтинском международном молодежном центре. Кроме того, в межсезонье, когда у него, как у профессионального музыканта, были перерывы в работе, он подвизался работать в ресторанах родного ему города Ворошиловграда официантом «на хозрасчете», то есть за чаевые, не получая за это зарплаты – администратор попросту присваивал ее себе, после чего делился с вышестоящим начальством.

Таким образом, Саша был специалистом в барменском деле – и, слава богу! – хорошо бы мы с ним выглядели, если бы оба оказались дилетантами.

Как раз в описываемый период в наш город судьба занесла группу музыкантов Росгосконцерта с концертом – они вели свой круглогодичный «чес», и вот от них во время дружеской застольной беседы я узнал, что мой напарник прежде действительно был профессиональным музыкантом и неплохим: кто не слышал в середине и конце 70-х об ВИА «Лейся песня», «Добры молодцы» и джаз трио «Ленинград», – во всех этих коллективах наш Саша работал барабанщиком. А вообще на эстраде он подвизался с 12 лет, играя в столь юном возрасте профессионально на контрабасе; даже школу он закончил не как все нормальные дети, а заочно, не имея, в связи с частыми гастрольями и переездами, возможности посещать ее нормально.

От себя относительно своего напарника я могу лишь добавить, что столь всесторонне одаренных и талантливых людей, как он, мне в жизни ни до, ни после не приходилось встречать, – что и говорить, повезло мне с напарником.

Тем временем близился день открытия ресторана – со складов стали завозить товары: водку различных видов, шампанское, коньяки и некоторые вина – из дорогих, а также ликеры,

сиропы, соки, в том числе импортные, пиво чешское, польское и немецкое в бутылках; мешок кофе в зернах, растворимое в банках, сигареты в коробках и многое другое, а также стаканы, бокалы, фужеры, рюмки и даже соломинки для коктейлей – прежде невиданная в наших краях вещь, и даже ведерки для шампанского, не считая прочей мелочи, включающей в себя всяческие барменские приспособления.

Замдиректора общепита Мария Ивановна, находящаяся в приступе эйфории, принесла из дому несколько банок различных сортов лично сваренного ею варенья для оформления и украшения коктейлей.

Обойдя несколько вещевых магазинов, я приобрел для нас с Сашей белые и черные пиджаки, а он сшил из шелка и бархата несколько пар белых и черных бабочек, – ведь наш внешний вид за стойкой тоже немало значил.

Руководство общепита, видимо, для «обкатки», решило запустить бар на несколько дней раньше ресторана, что и произошло одним тихим июльским вечером без всякой помпы и рекламы. Местная молодежь, конечно, была нами оповещена, и в бар в тот день потекли первые клиенты. Я внимательно наблюдал за действиями напарника, с интересом и удовольствием постигая секреты совершенно новой для себя деятельности, и вскоре сам уже обслуживал клиентов, а уже через пару недель после открытия мы совместно с Сашей создали и наработали коктейли, которые вскоре отправили в Кишинев на утверждение.

Десятки наших знакомых, едва знакомых и даже вовсе незнакомых нам людей, жителей нашего города, которые все предыдущие месяцы то и дело заходили и спрашивали нас, когда же, наконец, откроется, собственно, бар, были наконец удовлетворены, – этот день наступил.

А спустя еще несколько дней – в официальный день открытия – мы должны были принимать в баре «дорогих» – во всех смыслах этого слова – гостей, «слуг народа»; наверх же, в зал ресторана, во избежание возможной сумятицы и беспорядка по случаю открытия, на всякий случай решено было посторонних не пускать, а... отпраздновать день рождения, так сказать, междусобойчик, на котором могли бы присутствовать только свои – работники торгового предприятия, а также некоторые приглашенные гости. Да, таким образом в ресторане в этот вечер был проведен обыкновенный день рождения – 18-летие дочери заведующей складами общепита Тамары Васильевны – Елены.

Тамару Васильевну Финолис знали в нашем городе все, кому положено было знать: работники райкома партии, райисполкома и горисполкома, высокое и среднее городское начальство и что-либо значившие в городе и районе руководители – директора, замы, управляющие, ответственные; а также некоторые врачи, по большей части заведующие отделениями. Все дефициты к ним на стол попадали через руки Тамары Васильевны: икорка черная и красная, колбасы копченые, полукопченые и вареные, рыбка всякого рода, вида и различного посола, и консервы – из тех, которых не бывает в свободной продаже; а также конфеты и прочее.

Отец именинницы – Константин Васильевич, также был весьма известной и уважаемой в городе личностью: он трудился на лесоторговой базе в должности старшего продавца и, несмотря на наличие над ним директора, а также заместителя директора, фактически всем там единолично заправлял.

Сама Елена, виновница торжества, уже вполне созревшая к своему совершеннолетию, была девицей роста выше среднего и ладно сложенной – что называется, кровь с молоком, и при этом довольно симпатичной внешне. Кроме того, она была весьма общительной и вечно улыбалась, что ее еще больше красило. Познакомившись с ней и ее неразлучной подругой Ольгой несколькими месяцами ранее, мы с Сашей, моим напарником, завели с девушками приятельские отношения, а вскоре уже все окружающие считали нас неразлучной четверкой. Внутри самой четверки мы, естественно, разбились на пары – Саша дружил с Еленой, а я с Ольгой. Мы проводили довольно много времени вместе: днем – гуляя по городу, вечера же коротали в баре;

а после работы, ближе к полуночи, мы отправлялись к соленому озеру, где, бегая друг за другом, бесились, дурачились, смеялись и купались конечно, причем нередко нагишом. Отношения внутри пар уже долгое время балансировали между дружескими и любовными, но до сих пор, как ни странно, не включали в себя интим: нас с Ольгой связывала некая почти платоническая дружба – иногда мы с ней до запоя целовались, но к телу она меня почему-то не допускала; а Саша, в свою очередь, боясь возможных последствий, могущих помешать его дальнейшей работе в баре, оберегал честь Елены.

И вот сегодня, впервые взглянув на именинницу под иным углом зрения, я вдруг сообразил: да ведь Елена – невеста! И весьма достойная со всех точек зрения!!! А первым кандидатом в женихи выступал, к моему несказанному удивлению, мой товарищ и напарник Саша Чумаков. Почему к удивлению, спросите вы, как я мог не знать об этом? И будете правы, я даже не подозревал, что Сашка на полном серьезе решил свататься к Ленке. И лишь хорошенько поразмыслив над ситуацией, я наконец-то уразумел, с чего это он, парень, в отличие от меня, разумный и весьма практичный по жизни, – проводил с нами, можно сказать, несмышленишками по сравнению с ним, массу времени: у него, оказывается, были на то свои причины, то есть его целью, по большому счету, были деньги. ДЕНЬГИ!

Да, именно так, с большой буквы, большие деньги, путь к которым открывала женитьба на Елене. Потому, что кроме всего того, что могли заработать на своих «хлебных» местах родители Елены – а это, согласитесь, совсем немало, речь шла о совершенно других деньгах, даже не снившихся многим миллионам простых советских людей.

А дело было в том, что дядя Костя, отец Елены (все знакомые его, и стар и млад, именно так и называли – дядя Костя), грек по происхождению, был одним из основных наследников своего отца-миллионера, проживавшего в Греции, и слухи, наводнившие в последнее время наш город, говорили о том, что в городской банк уже поступили на имя дяди Кости деньги – что-то около полутора миллионов рублей – официальный эквивалент двум миллионам долларов, подаренных отцом сыну. Да, это был бы, доберись Саша до этих денег, действительно куш! А я, наивный, еще поначалу удивился, чего это он сегодня прибыл в ресторан весь такой из себя солидный и нарядный – а напарник мой, надо признать, немало лет проработав на сцене, умел красиво одеться и достойно подать себя. К тому же сегодня его сопровождала мама, тоже разряженная, словно новогодняя елка, с множеством крупных золотых украшений на руках, в ушах, а также на груди и на шее.

Небрежно кивнув мне, они, деловито проследовав через бар, направились вверх – поздравлять именинницу. Тем временем Ольга, неразлучная подруга именинницы, покинув торжество и двигаясь в обратном направлении, спустилась ко мне в бар. Сообщив, что соскучилась, она перегнулась через стойку и, застенчиво ткнувшись носом мне в шею, поцеловала где-то за ухом, после чего присела напротив.

– Я хочу пока побыть с тобой, Савва, – сказала она, мило улыбнувшись. – Там, – она указала пальчиком вверх, – сейчас проводится конкурс подарков, им не до меня. – И тут же спросила кокетливо: – Ты разрешаешь мне здесь с тобой посидеть, пока твои гости не пришли?

– Сиди, конечно, – разрешил я, затем спросил: – Выпьешь какой-нибудь коктейль? – И, не дожидаясь ответа, достал высокий, фирменный, с изображенным на нем гоночным автомобилем, чешского стекла стакан; каждый из нашей четверки имел в баре свой стакан, персонально Ольгин был «Мак Ларен», мой – «Лотус».

– Что ты, что ты, какой в столь раннее время коктейль? Налей мне, пожалуйста, березовый сок, ведь вся гулянка с выпивкой еще впереди. – И Ольга, откинувшись на пуфе, посмотрела на меня долгим и преувеличенно томным взглядом. Отведя свой взгляд, я вздохнул: следовало признать, девушка была весьма эффектна – высокая стройная брюнетка, интересная внешне и маняще привлекательная; ее черное, открытое на груди и спине приталенное платье лишь подчеркивало великолепные, по-девичьи стройные формы. Ей, также как и имениннице,

18 – исполнилось несколько месяцев тому назад. Признаюсь, с самого первого дня нашего знакомства я был влюблен в нее, я ее хотел, я буквально жаждал ее, но дальше объятий и поцелуев у нас дело не шло, несмотря на то, что я был взрослым, женатым 24-х летним мужчиной, а она – женщиной: в ее жизни, насколько мне было известно, уже «случилось» несколько коротких романов. Впрочем, весьма вероятно, Ольга придерживала меня на дистанции еще и потому, что видела во мне потенциального жениха (зная о моих, мягко говоря, не очень хороших отношениях с женой).

Прервав эти размышления и вновь бросив взгляд на Ольгу, я улыбнулся своим мыслям, полагая, что теперь-то уж наверняка знаю мечту-задумку наших подружек-невестушек. «Через несколько месяцев будем гулять две свадьбы, причем и пары уже составлены: Ольга и Савва, Лена и Саша» – так, наверное, думали они.

Однако вернемся к нашему повествованию.

Итак, открытие ресторана выпало на обычный летний выходной день – субботу. Беспкойная душа первого секретаря райкома партии Юрия Никитовича Посуляка, большого любителя ресторанных застолий, проявившего, и это надо особо отметить, весьма деятельный интерес к строительству ресторана, буквально рвалась и жаждала праздника, – и он его получил, праздник состоялся!

В гости к нам – прямиком из Кишинева, столицы солнечной Молдавии, прибыли следующие лица (без объявления фамилий): министр гражданского строительства МССР; министр торговли МССР; министр сельского строительства (не путать с первым!) – наш земляк и выходец из нашего города, он приехал вместе со своим заместителем; заведомом ЦК МССР, курирующий торговлю – его, соответственно должности, надо было бы поставить в список первым номером, ну да ладно; заместитель председателя госплана МССР – почетный гость; председатель госкомитета печати на правах министра – совсем еще молодой мужчина, также наш земляк, и, кстати, давний обожатель моей дражайшей супруги, не раз делавший ей всевозможные недостойные и одновременно привлекательные предложения; а также первые секретари партии соседних районов – Вулканештского и Леовского; председатели гор. – и райисполкома; и, наконец, сам «именинник», имя которого я уже называл в самом начале – первый секретарь райкома Посуляк, – всего набралось 25 человек; последним из приглашенных в списке оказался Володя по кличке Толстолобик (причем, под этой кличкой его знала практически вся Молдавия) – единственный человек, имеющий непосредственное отношение к строительству и оформлению ресторана, а по должности главный инженер объединения «Молдторгреклама». Он, впрочем, при первой же возможности улизнул из «высокой» компании и устремился наверх, в зал, где праздновался день рождения – публика там была попроще, да, пожалуй, и получше, а главное, там находилась вожденная им с давних пор заместитель директора общепита Марья Ивановна – женщина еще довольно молодая и весьма привлекательная внешне.

Для обслуживания «высокого начальства» к нам в бар определили опытную официантку, 28-летнюю Машу из старого ресторана, который, кстати, с сегодняшнего дня получил пониженный статус и другое название – кафе «Весна». Маша была довольно аппетитная бабенка с круто очерченными бедрами и другими выпуклыми в нужных местах частями тела, рвущимися из-под узкого форменного платья и тем самым притягивающими мужские взгляды. Ей в работе помогали, периодически спускаясь со второго этажа, наши новенькие официантки – 17-летние Виктория и Нина – эти девушки совсем недавно прибыли в наш город прямиком из Кишиневского торгового училища, которое они закончили всего несколькими неделями ранее.

Вскоре столы, устроенные в центре бара, были сервированы по высшему разряду – исключительно хрусталь и серебро; и все блюда, расположившиеся на нем, следует признать, были исполнены с высоким мастерством и исключительно из высококачественных продуктов.

Наверху, в ресторанном зале, заиграла музыка, сразу два оркестра по очереди озвучивали сегодняшний именинный банкет: молодежное ВИА, которые в эту пору входили в моду по всей стране, в составе которого было двое гитаристов, ударник и клавишник; а также оркестр из старого ресторана: контрабасист, барабанщик, аккордеонист, скрипач, флейтист и саксофонист. Сегодня начальству предстояло решить, какому из этих оркестров отдать предпочтение, что, соответственно, открывало избранным возможность работать в новом ресторане, то есть, по сути дела, для музыкантов это был своего рода конкурс.

ВИА, повторяю, был представлен четырьмя молодыми парнями с пышными неухоженными прическами «под битлов»; старый оркестр был еще более живописен и являл собой эдакий малый интернационал: в нем играли русский, цыган, болгарин, молдаванин, украинец и еврей – то есть, в нем были представлены все основные национальности, населяющие Молдавию, исключая разве что гагаузскую – очевидно, размеров оркестра не хватило.

Празднество начался шумно и весело – наверху, в зале, стали слышаться здравицы в честь именинницы, перемежаемые бравурным тушем, а у нас внизу, в баре – звучали здравицы в честь первого секретаря райкома партии Юрия Никитовича, так как все знали, что ресторан – это любимое им и выпестованное под его руководством детище.

Первый тост, произнесенный завотделом ЦК, был самым уместным – за победу коммунизма во всем мире (видимо, предполагалось, что открытие нашего ресторана могло существенно поспособствовать этому процессу). Затем пошли тосты менее глобальные, по очереди вставали министры, их сменили местные партийные бонзы, затем, тем самым завершая круг, встал наш первый секретарь райкома – Юрий Никитович. Он с высоты своего почти двухметрового роста медленно обвел всех присутствующих строгим взором, и они притихли.

Известно было, что в руководстве республики его весьма уважали, а некоторые даже побаивались, стараясь заручиться его дружбой и поддержкой, так как он имел все реальные шансы для дальнейшего продвижения вверх, – статность, солидность, представительность, относительно молодой возраст; был достаточно грамотен – высшее сельскохозяйственное образование и высшая же партшкола в Москве при ЦК партии; а главное – он умел выпить три бутылки водки и, при этом, как ни в чем не бывало, продолжать говорить исключительно партийными цитатами; кроме того, на груди его уже красовались два ордена Ленина, а третий, как известно, давался обязательно в паре с медалью Героя Социалистического труда.

Свою речь, которую мы здесь по понятным причинам приводить не будем, наш герой завершил, как обычно, своим любимым выражением: «Желаю вам, дорогие товарищи, мира, здоровья, процветания и всяческих благ!» И все, конечно же, выпили. До дна. А спустя пару минут, не затягивая паузу, повторили.

Вскоре я обратил внимание, что присутствовавшие на банкете гости – все без исключения – не пропускают ни одного тоста, методично накачиваясь водкой, словно верблюды водой после долгого перехода в пустыне.

Я заметил также, что строгости в этикете по ходу празднества не было никакой – все, кто желал, могли выйти из-за стола и пойти прогуляться, что многие и делали, из-за чего у меня с Иван Иванычем, начальником райотдела милиции, в самом начале вечера вышел казус: он вдруг вспомнил, что является ответственным за безопасность высоких гостей (наш районный начальник КГБ, большой любитель выпить, отговорился от этой обязанности тем, что у него не было в наличие достаточного количества людей) и сказал мне: «Савва, я запрещаю кому-либо покидать бар».

– Попробуй-ка сам скажи это кому-либо из присутствующих, – прошептал я ему на ухо. – Знаешь, что, пожалуй, лучше будет, если ты вызовешь сюда нескольких оперативников в гражданской одежде, да чтобы рожи у них были поинтеллигентнее, дабы не напугать гостей. И пусть станут по двое у каждой двери, всем улыбаются и одновременно следят за порядком.

Иван Иванович молча пошамкал губами, я так понимаю, собираясь на меня обидеться, при этом лицо его, прежде розоватого оттенка, налилось кровью и сделалось свекольного цвета, однако ему все же достало ума понять, что я был прав, и он сказал:

– Гм... Пожалуй, так и сделаем. Где тут у тебя... ну-ка дай мне по телефону позвонить.

Я пропустил его в подсобку, а тем временем к стойке бара присели двое из присутствующих гостей: министр торговли и министр строительства.

– Сделай-ка мне, Савва, большую чашку кофе, – попросил министр торговли, – и добавь туда для вкуса пару капель коньяка.

Министр строительства тем временем, указывая на меня пальцем, спросил его:

– А почему, собственно, уважаемый Петр Николаевич, мои дипломированные работники, как, например, наш бармен Савва, уходят работать к тебе, в торговлю?

При этих словах я, честно говоря, немного струхнул и, нацепив на лицо угодливую улыбку, весь превратился в слух – как знать, возьмет сейчас министр торговли и «отдарит» меня своему другу-министру обратно. Да, и самое интересное, откуда он узнал о том, что я строитель, ведь прежде нам с ним встречаться не приходилось.

– Видать, плохо платишь, – ответил коллеге министр торговли, по-мальчишески подмигнув мне. – Вот и бегут ваши люди к нам, в торговлю. И вообще, у нас веселее, не то, что у тебя на стройке – бетон, раствор, пылица, скукотища, хотя и там и здесь все одно и то же – пьют.

Не успел я вздохнуть, успокаиваясь, и уже понимая, что разговор, на мое счастье, принял шуточный характер, как мои клиенты встали и куда-то ушли, прихватив свои чашки, а к стойке подошел завотделом ЦК – главный гость, то есть самая большая «шишка» на празднестве.

– Слышишь, как тебя там?... – произнес он, вперившись в меня тяжелым пьяным взглядом. – Сколько ты тут имеешь в месяц?

– Вы, наверное, имеете в виду, какая у меня зарплата? – спросил я и тут же бодро ответил: – Оклад у нас 87 рублей.

– Нет, – скривился он. – Сколько ты имеешь сверху, кроме зарплаты?

– Вот этого я не знаю, – стараясь не раздражаться, ответил я. – Я первый месяц здесь работаю и еще не знаю, сколько буду иметь сверху.

– Вот у меня, например, зарплата 370 рублей, – скрипя зубами и наваливаясь на стойку, произнес он, – а у вас, барменов, как я слышал, гораздо больше в месяц выходит.

Мне бы сдержаться, промолчать, улыбнуться, опустив пониже голову, но я действительно работал в торговле первый месяц и потому опыта никакого не имел, особенно в общении с высокопоставленными работниками, поэтому сказал:

– Я что-то не пойму, товарищ, вы со мной что, местами работы желаете поменяться? Так я, имейте в виду, уже заранее согласен. Если только меня на ваше место возьмут.

У «большого босса» от гнева перекошилось лицо, и он, размашисто шлепнув ладонью по стойке, открыл, было, рот, желая, видимо, продолжить и дальше интересующий его разговор, но, к счастью для меня, в эту самую минуту к месту спора подоспел наш директор торгового Владимира Викторович Ткачев. Он нежно за плечи обнял своего главного республиканского начальника по партийно-торговой линии и увел куда-то, а на душе у меня от этого разговора остался тошнотворный осадок.

Устав от начальственных лиц до ряби в глазах, я решил выйти на свежий воздух и, сунув в зубы сигарету, направился к выходу, на ходу сообщив девочкам, обслуживающим банкет, что выхожу прогуляться.

Маша-официантка, легко порхая по бару и при этом успевая наводить на столах должный порядок, приветливо махнула мне рукой – иди, мол. Я, между тем, невольно залюбовался ею: она, несмотря на свои довольно крупные формы, телом своим владела виртуозно, успевая одновременно и работать и еще каким-то чудом уворачиваться от многочисленных протяну-

тых к ней рук уже возбужденных алкоголем клиентов, которые, не сумев обнять ее, старались хотя бы ущипнуть за какую-нибудь аппетитно оттопыривающуюся часть тела.

Первыми, кого я увидел, выйдя на улицу, были замминистра сельского строительства и наш заместитель председателя горисполкома: они шли, покачиваясь, обнявшись, тем самым уравнивая друг друга, у обоих брюки до самого низа были мокрыми, и я даже не сразу понял, что они банально обоссались. Одновременно, так сказать на брудершафт. Веселые ребята, подумал я, им, наверное, не сказали, что рядом с баром, в вестибюле ресторана, функционирует туалет.

Пройдясь по аллее, ведущей от ресторана в сторону ближайшего к нему комплекса зданий ДОСААФ, я вдруг обратил внимание на то, что кусты, которые в этой части аллеи растут особенно густо, как-то странно шевелятся. Я немедленно направился туда в надежде обнаружить нечто любопытное, но заметил вначале офицерские погоны с тремя маленькими звездочками на каждом, тускло блеснувшими в свете луны, а затем и их обладателя, милиционера, который с придыханием, сосредоточенно и методично пинал ногами распростертое на земле тело.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что поблизости больше никого нет, я шагнул в самую гущу кустов.

– Достаточно с него, не так ли? – сказал я, крепко схватив милиционера за плечо. Тот вначале дернулся, резко обернулся, затем, увидев и узнав меня, оскалится и пробормотал:

– погоди, Савва, я тут одного гада... не обращай внимания, я его должен проучить.

– Постой секундочку, – сказал я и наклонился к лежащему человеку. Не без труда повернув незнакомца окровавленным лицом вверх, я узнал в нем... сына начальника милиции, Игоря. Возрастом совсем еще мальчишка, парень этот заметно отличался от сверстников наглым поведением, а внешне – ранней зрелостью, при этом и лицо его было необычным: крупным, породистым, с резкими чертами напоминавшими скорее какого-нибудь голливудского актера, играющего гангстеров. Однако в настоящую минуту этот самый Игорь представлял собой весьма жалкое зрелище, лицо его было разбито в кровь, и парень дышал шумно, с натугой.

– Знаешь что, лейтенант, – сказал я милиционеру строгим, не терпящим возражений тоном, – давай-ка ты сваливай отсюда по-хорошему. А я все улажу.

– Да я его... – дернулся было тот, – на куски порву, он меня сухой ментовской назвал.

Я усмехнулся.

– Эх ты, да ему ведь позволено такие вещи говорить, потому что он сын Иван Ивановича, твоего босса. А начальственных детей, дорогой лейтенант, надо знать в лицо.

Лицо милиционера в одну секунду побелело, на нем, что было заметно даже при свете луны, не осталось и кровинки.

– Е... твою мать, что же теперь будет-то? – его голос из грозного еще минуту назад стал плаксиво-жалостливым, – вот меня угораздило...

– Немедленно уходи отсюда и понадейся на меня, я все устрою, – повторил я, хлопнув милиционера по плечу, после чего выбрался из кустов и направился к ресторану. Набрал 02 на телефоне-автомате, висевшему в фойе, я сказал дежурному по РОВД, что в кустах у ресторана лежит избитый сын начальника милиции, и, не назвавшись, сразу положил трубку. Хотя отец Игоря Иван Иванович находился совсем рядом, в ресторане, с ним о случившемся я говорить не стал, и вы сами, наверно, догадываетесь, почему. Пока я звонил, рядом слышались громкие голоса, затем я увидел группу движущихся людей: оказалось, это министр торговли делал по ресторану обход; с двух сторон его под руки поддерживали наш первый секретарь и директор торгового, который каким-то образом уже успел избавиться от завистливого и склочного заведомо ЦК.

– Что-то я не видел таких люстр в моем хозяйстве, – сказал министр торговли, задрав вверх голову и указывая на огромную люстру, висевшую над лестницей, ведущей в зал.

– А это наш бармен своими руками изготовил, – гордо сказал Владимир Викторович, и, оглядевшись по сторонам, указал на меня пальцем. Мне оставалось только с достоинством поклониться, не мог же я в эту минуту начать им объяснять, что люстру сделал вовсе не я, а мой напарник Саша – настоящий мастер «золотые руки».

– А из чего сделал? – спросил министр, не переставая удивляться, какой красивой и солидной вышла самодельная люстра.

– Собрали и сварили из шести настенных бра, – бойко пояснил я, приблизившись. – Не знали, куда их прицепить и вот...

– А что, надо сказать, неплохо, очень даже неплохо получилось, – похвалил министр, – талантливые у вас тут ребята, как я погляжу, все умеют. – И обращаясь ко мне, хитро спросил: – Вот все у вас хорошо, все замечательно, а скажите мне, девушки у вас есть? – И тут же добавил: – Для развлечений, я имею в виду. Блондинки там, рыженькие или брюнетки, ну, ты понимаешь, о чем я.

– Понимаю, а как же, – не сморгнув, ответил я. – Имеются, конечно. Вам с какой пропиской, подойдет с местной или же обязательно требуется столичная, кишиневская?

Министр, мужик совсем еще не старый, и вполне привлекательный внешне, при последних моих словах смутился, вспомнив, наверное, что в Кишиневе у него семья – жена и дети, поэтому лишь вздохнул и, махнув рукой, стал подниматься по ступеням.

– Пойдемте все наверх, – обратился он к своим попутчикам, – мы ведь еще именинницу не поздравляли. Некрасиво получается – мы вроде как бы тоже приглашены. – И в окружении сопровождающих лиц он продолжил свой путь; позади всех водитель министра, пыхтя от натуги, волок в одиночку большой картонный ящик, очевидно, подарок.

Как очень скоро выяснилось, Сашке Чумакову вместе с его мамой не удалось превратить день рождения в день обручения, а при благоприятном развитии событий, и в свадьбу. Родители именинницы твердо отвергли их поползновения после первых же намеков на женитьбу и на наследство, к тому же Тамара Васильевна, как вдруг выяснилось, почему-то решила, что не Сашка, а именно я встречаюсь с ее дочерью Еленой. Не пойму, каким образом моя личность вообще бралась ею в расчет, так как по всем раскладам – будь у Ленки женихов даже под сотню – я был бы в их обойме, безусловно, последним номером, ведь по своим финансовым возможностям я был никчемной фигурой.

Тем временем главный оформитель ресторана Володя по кличке Толстолобик, – об этом мне на следующий день рассказала подруга Ольга, – станцевал с Марией Ивановной несколько танцев подряд, не обращая внимания на ее мужа, и, вероятно, не подозревая о том, что они с партнершей со стороны выглядят несколько забавно, так как Володя был на голову ниже своей дамы. Затем, видимо всерьез огорчившись тем, что такая шикарная женщина принадлежит не ему, а кому-то другому, Володя направился к столу и в короткий период времени – в какие-нибудь полчаса – вылакал 7 (семь!) полных фужеров водки, а ведь буквально накануне хвастал всем вокруг что «завязал» – бросил пить. Запив это количество водки тремя фужерами шампанского, он, ни с кем не прощаясь, вышел на улицу, сел в свой знаменитый на всю Молдавию автомобиль «запорожец» и укатил к себе в Кишинев.

Он оказался первой «потерей» среди гостей, а вскоре следом за ним по домам потянулись и другие.

А в это самое время бар, пока я делал обход ресторана, жил своей обособленной жизнью: партийные начальники среднего звена, очевидно, ввиду отсутствия руководителей, «расползшихся» по ресторану словно тараканы, очень скоро дошли до предела: когда я вошел, они по очереди на спор выпивали 700-граммовый наполненный водкой фужер штучного чешского стекла ручной работы, каждый из которых, не побоюсь этого слова, был произведением искус-

ства, после чего с размаху шлепали им об бетонный пол, уничтожив, таким образом, в короткое время около полутора десятков фужеров из 24, имевшихся в наличии. Остановились они лишь тогда, когда я, успев вернуться до полного их уничтожения, демонстративно убрал со стойки все оставшиеся фужеры.

Примерно в это же время, в самый разгар празднества, где-то около полуночи, мой напарник Саша и его мама, расстроенные неудачным сватовством, по пути домой заглянули ко мне в бар; Саша, рассеянно посмотрев сквозь меня, небрежно кивнул головой на прощание и, подхватив маму под руку, отправился восвояси.

Следом за ними в бар заскочили разгневанные танцами и шампанским Оля и Ленка-именинница. Девчонки громко и весело разговаривали; Ленка, подойдя и взявшись руками за борта моего пиджака, притянула меня к себе и звучно поцеловала в губы, после чего девушки признались мне по секрету, что хотят сбежать в город, так как им здесь, среди взрослых, без сверстников скучно. Я, заговорщицки подмигнув им, сказал, что если их хватятся и начнут разыскивать, то только в этом случае сообщу маме именинницы, где они, после чего девицы, взявшись за руки, выпорхнули из бара и исчезли в ночи.

А к этому времени мои гости – «стойкие» коммунистические вожаки – были уже совсем никакие: их опытные и привыкшие ко всему водители обманом и уговорами выводили «слуг народа» по одному на улицу, усаживали в машины и увозили кого по домам, а кого в гостиницу райкома партии. «Большой босс» – завотделом ЦК, перед уходом вновь подошел ко мне, и я весь напрягся. «Ну, что этот „товарищ“ на этот раз придумает?» – неприятно подумал я. Предчувствие меня не обмануло: он таки придумал.

– На вот, возьми, – порывшись в кармане, он швырнул на стойку две смятых рублевых бумажки. – Чтобы потом не было разговоров, что на банкете я ел-пил бесплатно. – Он звучно рыгнул. – Надеюсь, ко мне претензий нет?

– Боже сохрани, – ответил я, смахнув бумажки в кассу и подняв руки вверх, в смысле сдаюсь.

– То-то же.

Было что-то около четырех утра, когда наши даже самые стойкие клиенты, наконец, разошлись, и обслуживающий персонал, в частности официантки, уже почти падавшие к этому времени с ног от усталости, смогли перевести дух. В баре в этот час вместе со мной еще оставалась Виктория – невысокая, черноволосая, постриженная под «гарсон», пропорционально сложенная девушка. Ее всегда улыбающиеся глазки, раскосые как у японки, от которых, я признаюсь, был в восторге, к этому времени превратились в едва видимые щелочки.

– Послушай, Вика, – остановил я девушку, совершающую очередной «рейд» в подсобку с полным подносом грязной посуды. – Ты не имеешь желания искупаться после такой работы в душе?

– Искупаться? А где? Здесь, в ресторане? Да, я слышала, что здесь есть душевая, но еще ею не пользовалась, – откликнулась она. – Я бы с удовольствием, только у меня нет с собой шампуня и полотенца.

– Так у меня есть, – сказал я, доставая пакет из своей сумки. – Вот тебе шампунь, а полотенце достаточно большое, рассчитано на двоих.

– Так ты мне и спинку собираешься потерять? – спросила она кокетливо, принимая пакет из моих рук, и я, не имея сил ответить, лишь кивнул ей. Я проводил девушку до душевой, где настроил в кране горячую воду, затем, извинившись, быстренько вернулся в бар, молниеносно постелил в одной из кабинок матрас, который вот уже несколько месяцев как получил постоянную «прописку» в баре, и вновь бегом отправился назад.

В душевой, преодолевая стеснение, мы действительно потеряли друг другу спинку, после чего, чистые и взбодренные водными процедурами, вернулись в бар. Ресторан, наконец опустевший после долгого и бурного празднества, показался нам совершенно безжизненным,

вымершим. На мое робкое, сделанное шепотом предложение провести остаток ночи вдвоем, Виктория не ответила, а лишь доверчиво потянулась ко мне своими маленькими ручками и почти упала в мои объятия.

Так начался наш с ней «роман», затянувшийся на целых два года, и окончательно прервавшийся лишь с ее отъездом в Кишинев.

Телефонный звонок разбудил нас до обидного рано, в восемь утра, и мне пришлось, поцеловав Вику на прощание, потихоньку выпроводить девушку за дверь, потому что, как сообщил мне по телефону дежурный по райкому партии, я должен был срочно выехать в село Старые Криганы за свежей рыбой, а заодно и за поваром, проживавшем в том же селе, имевшим специальный статус при райкоме партии, как специалист, умеющий варить необыкновенно вкусную уху. Ну а уха, понятное дело, требовалась начальственным желудкам на опохмелку, поскольку, как вы сами понимаете, самое главное в любой пьянке – грамотно опохмелиться.

Райкомовская «волга», уже поджидавшая меня у входа, быстро домчала нас до места, и вскоре из окна автомобиля стала видна цепь искусственных каналов и озер, принадлежавших местному рыбхозу, расположенному в пойменной части реки Прут, в которых выращивалась рыба самых разнообразных видов и размеров. Главный цербер на входе в это рыбное царство, бывший офицер, служивший раньше в рядах НКВД-МГБ-КГБ капитан Сергеев, ныне пенсионер, а на настоящий момент стойкий и неподкупный страж на складах рыбхоза, был, по видимому, предупрежден о нашем приезде заранее, поэтому безропотно выделил требуемое количество дефицитной рыбы (естественно, бесплатно и без каких-либо сопроводительных накладных), и даже помог погрузить две полные корзины – что-то около ста килограммов, – в общепитовский мотороллер, как раз подоспевший к месту событий. По не до конца понятной даже мне самому причине Сергеев этот был мне глубоко антипатичен, так как давно знавшие его люди говорили, что он-де в сталинские времена был ГБ-шным палачом. Тем временем посланная машина привезла поднятого из постели повара, и мы, не теряя времени, отправились в обратный путь.

Спустя час-полтора у себя в баре я хлебал деревянной ложкой из средних размеров кастрюльки необычайно вкусную наваристую уху, и с ручкой в руке подсчитывал наши финансовые потери.

Всего накануне вечером начальственными лицами было выпито «горячительных» напитков на сумму 650 рублей, и это не считая поданных со складов и кухни блюд и закусок. То есть, вместе с тем, что было украдено позавчера утром электриками охраны РОВД, устанавливающими в моем складе сигнализацию, – я, по простоте душевной оставил их там на 20 минут без присмотра, – это составило $650+350=1000$. Тысяча рублей недостачи в кассе – хорошенькое начало! Ах да, я чуть было не забыл, два рубля ведь мне вчера заплатили, их лично босс ЦК-овский внес, так что итоговая циферка уже не круглая, и всего лишь трехзначная – 998 р. в убытке.

Если бы сейчас взяли да провели ревизию в баре, то нас с Сашей Чумаковым по результатам всего лишь одного дня работы вполне можно было судить и посадить, и получили бы мы ни много, ни мало от 3 до 7 лет лишения свободы с конфискацией имущества. Здорово, а?! Бежать что ли, пока не поздно, с этой работы, мелькнула у меня шальная мысль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.